

Даже отозвать патрульных поручили не людям Большого Мака. Впрочем, и не его противнику Фису Дэйкри с его шайкой. Им тоже приказали сидеть в комнате отдыха и ждать. Курильщики достали трубки, и без того вечно задымленная комната сегодня напоминала лондонский смог.

Орвицка сидел у окна. Обычно он про себя ворчал на этих "паровозов", но сегодня просто безучастно смотрел вдаль.

Из этой комнаты отдыха была видна улица Подковы. С тех пор как он устроился здесь, патрульные не переставали возвращаться - их одного за другим отзывали с дежурства на улицах Рыбьего Хвоста.

Старый Максвелл слов на ветер не бросал.

"Неужели он всерьез считает, что замалчивание - лучший способ решить проблему?" - подумал Орвицка.

Некоторые из отозванных патрульных выглядели растерянными, другие - мрачными, а третьи... возвращались с окровавленными головами.

Похоже, когда бандиты сцеплялись в драке, им было уже плевать, какая форма на человеке перед ними.

- В прошлый раз было так же? - спросил Орвицка у Большого Мака. - Я про ту бандитскую войну, два года назад.

- Нет, - покачал головой Большой Мак, - тогда Старый Максвелл бросил все силы на подавление. Он первым вел нас на место, чтобы скрутить обе стороны. Тюрьмы ломались от

арестантов, нам пришлось во дворе поставить огромный котел и варить хлебную похлебку, чтобы эти мерзавцы не подошли с голоду. Старый Максвелл тогда даже со Старым Педро из участка Черного района сцепился, чуть до дуэли на перчатках не дошло!

Большой Мак поднял трубку. Сначала он говорил тихо, сдавленно, но постепенно его голос крепчал, а уголки губ поползли вверх.

- Старый Максвелл тогда подбил глаз Старому Педро! - подхватил Фис Дэйкри, тоже вскинув трубку.

Все патрульные грохнули от смеха, но веселье угасло уже через пару минут. В прокуренной комнате отдыха снова воцарилась гнетущая, удушливая тишина.

- В тот раз мы тоже многих потеряли, - раздался в тишине слегка охрипший голос Большого Мака. - Но они погибли зря, совершенно зря...

Известный итог той бандитской войны для обеих группировок был таков: отец Билла Батлери, Старый Билл, погиб, его место занял Маленький Билл, а стороны обменялись заложниками. Полиция не осталась в стороне - участки обоих районов, где орудовали банды, понесли тяжелые потери.

Но были и приобретения. Например, их общежитие? Орвицка помнил слова Большого Мака о том, что здание раньше принадлежало банде Молота, а недавно было "подарено" участку. Вот только управляющая общежитием, госпожа Торрей, была вдовой патрульного...

"Тогда почему Большой Мак сказал, что они погибли зря?" - Но сейчас было не время утолять любопытство Орвицки.

Ему вспомнилась фраза из старого фильма: "Дайте мне шанс, я хочу быть хорошим". Среди присутствующих патрульных не было отпетых негодяев, они тоже не хотели смертей, просто у них не было выбора.

Орвицка криво усмехнулся. Не только у них - у него самого тоже.

Он тоже хотел быть хорошим человеком, но разве мог он вскинуть руку и повести всех в самое пекло бандитской разборки? Нет, не мог. У него не было такого авторитета. Сделай он так, за ним пошел бы лишь фанатично преданный Большой Мак да, может, пара его парней. На остальных рассчитывать не приходилось.

И что могла сделать эта горстка людей? Пусть Орвицка и был представителем Рода Крови, но он все же был из плоти и крови. Попробовать усмирить войну двух банд, дерущихся не на жизнь, а на смерть, силами нескольких человек - пустые мечты.

Просидев до конца смены под тем же пристальным, давящим взглядом, Орвицка и Большой Мак вернулись в общежитие.

- Кар! - раздался над головой пронзительный крик. Орвицка поднял голову и увидел пару крупных воронов с иссиня-черными, блестящими перьями, восседавших на карнизе общежития.

- Дурная примета, - вздохнул Большой Мак.

Дэнни Кадо даже подобрал камень, чтобы швырнуть в птиц. Карниз защитил их, камень не

достиг цели, но вороны испугались и, каркая, пролетели прямо над головой Дэнни Кадо!

- О! Дерьмо! - воскликнул тот.

На самом деле, это был птичий помет... Бедолага слегка приоткрыл рот, так что, возможно, даже успел попробовать его на вкус.

Неудача Дэнни Кадо немного развлекла остальных, разрядив напряженную атмосферу. Подшучивая над ним, все разошлись по домам.

Наступил новый день. Согласно вчерашнему приказу Старого Максвелла, Орвицка должен был оставаться в общежитии - большая часть личного состава получила распоряжение дежурить дома. Но Орвицка просто не мог усидеть в четырех стенах и все равно вышел на улицу.

Оказалось, что так поступил не только он, новичок. Все патрульные покинули здание.

Выйдя из общежития, Орвицка заметил, как изменилась улица Подковы. Раньше она была пустынной, редкие прохожие держались противоположной стороны, ближе к полицейскому участку и банку. Эти прохожие, в основном опрятно одетые, принадлежали к среднему классу Содмана. Их целью, вероятно, был соседний район Ракушек, а сюда они заходили в основном снять деньги.

Но за ночь улица Подковы наполнилась людьми. Одеты в грязные лохмотья, они сбивались в кучки по десять-пятнадцать человек - мужчины, женщины, старики и дети.

Беженцы - другое слово не приходило на ум Орвицке при взгляде на них.

Раньше они и шагу боялись ступить на улицу Подковы, но теперь, покинув свои дома, прибежали сюда в поисках спасения.

Большой Мак и другие патрульные прошли мимо, словно не замечая их. Беженцы поспешно расступились, боясь преградить им путь.

Какой-то ребенок протянул ручонку, пытаясь выпросить милостыню, но его тут же оттащили родители.

Орвицку тоже схватили за руку. Большой Мак не отпускал его до самого полицейского участка:

- Не жалея их, не давай им ничего. Того, что мы позволяем им оставаться на улице Подковы, более чем достаточно.

- Я знаю, - кивнул Орвицка. В этом вопросе он мог сохранять хладнокровие, в конце концов, у него не было чем им помочь (золотых гербов).

Когда они отмечались на ресепшене, вышел Старый Максвелл и вспыхнул:

- Я же сказал вам оставаться дома! Вам все равно заплатят!

Но патрульные проигнорировали его тираду, и Старому Максвеллу ничего не оставалось, как в одиночестве вернуться в свой кабинет.

Днем кто-то подбежал к дверям полицейского участка и швырнул в них комья грязи - или чего похуже. Его тут же схватили, но потом патрульные вытолкали его из участка. Возможно, потому, что нарушителем оказался всего лишь юноша.

- Палачи! Палачи! Вы, сторонние наблюдатели, - тоже палачи! - Орвицка, по-прежнему сидевший у двери, увидел из окна, как тот человек истошно вопил на дороге. - Почему?! Почему вы все попрятались в полицейском участке?!

Должно быть, он был образованным: даже крича, он подбирал довольно вежливые слова.

Вероятно, на лице Орвицки отразилось недоумение, потому что Большой Мак сам поспешил объяснить:

- Здесь есть церковный класс грамотности, работает уже несколько десятков лет. Самые способные ученики могут получить рекомендацию от церкви и поступить в официальную церковную школу. Похоже, он как раз из таких.

Глядя на парня снаружи, Большой Мак говорил с некоторой теплотой и даже гордостью:

- Знаешь, этих "самых способных" выбирают не по квоте. Если никто не дотягивает, церковь скорее оставит место пустым.

Гордость в голосе Большого Мака натолкнула Орвицку на мысль:

- Ты тоже когда-то был одним из таких способных?

Большой Мак... покраснел. Пусть борода и скрывала большую часть его лица, но он действительно залился краской. Он затаился трубкой:

- Я не хвастаюсь, я просто...

- Знаю, ты действительно очень способный, - совершенно искренне похвалил Орвицка своего наставника, без тени лести.

На этот раз у Большого Мака покраснел даже лоб, словно он хватил лишнего. Он не смел взглянуть на Орвицку и уставился в окно. Внезапно Большой Мак вскочил и с волнением громко произнес:

- Из Церкви Света пришли!

Орвицка проследил за его взглядом и увидел карету с золотым гербом солнца. Беженцы, укрывавшиеся на улице Подковы, тоже подошли чуть ближе. Стоит отметить, что когда тот юноша истошно кричал, никто его не поддержал, наоборот, все отошли еще дальше, прижавшись к стенам зданий напротив.

Церковь Света тоже находилась на улице Подковы, всего в двух-трех сотнях метров от участка. Если бы Орвицка сейчас высунул голову в окно, он бы ясно разглядел солнечный крест на ее шпиле.

Но священник все равно приехал оттуда на карете...

- Это хорошо или плохо? - спросил Орвицка.

- А что ты считаешь хорошим, а что плохим? - уклончиво ответил Большой Мак.

- Э-э... сможет ли священник заставить Старого Максвелла вмешаться? - уточнил Орвицка.

- Не знаю, - покачал головой Большой Мак. - Появление священника означает, что дело приняло серьезный оборот, но у него нет власти приказывать начальнику полицейского участка.

Орвицка кивнул в знак понимания. Он подумал, что по возвращении домой надо будет

просмотреть газеты, узнать реакцию внешнего мира на события в Рыбьем Хвосте. После убийства госпожи Батлери сюда набежало много репортеров, так что ситуация в районе все еще привлекала внимание извне.

Кстати о газетах, сегодня утром, выходя из дома, он вроде бы не видел газетчика Дэнни? Впрочем, в эти дни на улицах творился такой хаос, а мальчик был слишком хорош собой - вполне естественно, что он спрятался на всякий случай. "Надеюсь, с ним и его семьей все в порядке".

А еще те два ворона, которых он видел вчера, кажется, свили гнездо на крыше их общежития. Сегодня утром было видно, как они таскали ветки. Эти вороны были крупнее тех, что он видел в городах Поднебесной. Их тени, пролетавшие над головой, заставляли некоторых детишек вскрикивать. Впрочем, выглядели они внушительно.

Конечно, внушительность внушительностью, но в будущем ему определенно нужно будет следить, чтобы окно в его комнате было заперто. Вороны ведь чертовски умны.

Беспорядочные мысли не мешали Орвицке следить за происходящим снаружи - патрульный у двери комнаты отдыха приоткрыл ее на щелочку и комментировал все для остальных, ведь их комната находилась прямо напротив кабинета начальника.

- Байди Шультон побежал в кабинет.

- Старый Максвелл спускается.

- Старый Максвелл и отец Сино поднимаются наверх, вошли в кабинет. Ройс Дог, Кандови Нап и Байди Шультон тоже зашли.

Ройс Дог и Кандови Нап были детективами, а Байди Шультон - главным подхалимом.

Орвицка тихо спросил Большого Мака:

- Это люди Шультона следили за нами все эти дни?

- Да, - в глазах Большого Мака явно читалось изумление: "Ты что, до сих пор не понял?"

Орвицка неловко улыбнулся, мысленно признавая свою ошибку: "Беру свои слова обратно, не стоило путать подхалима с ничтожеством".

Шультон был подхалимом, но, очевидно, и лидером группы патрульных, преданных начальнику.

Как только дверь кабинета начальника закрылась, никто снаружи уже не знал, что там происходит. Не то чтобы патрульные не хотели подслушать, просто у двери кабинета тоже стояли двое охранников.

Но хотя никто не знал, о чем идет разговор, патрульные в комнате отдыха заметно занервничали. Многие столпились у двери, пусть даже просто чтобы переругиваться жестами с охранниками - в основном обзывая их подхалимами, а те в ответ называли их дураками. Перепалка на уровне детского сада.

Внезапно щелкнула открываемая дверь, и толпа у входа тут же отхлынула назад.

Дверь комнаты отдыха снова осталась приоткрытой лишь на узкую щелку. Все молча прислушивались, как шаги в коридоре постепенно затихают.

Патрульный у двери продолжал свой репортаж:

- Отец Сино ушел. Похоже, он недоволен разговором, лицо у него было кислое, когда он выходил.

Никто не проронил ни слова. Казалось, все чего-то ждали, воздух буквально искрился от напряжения. Кто-то вскакивал и снова садился, кто-то не сводил глаз с двери. Возможно, они тоже надеялись, что начальник внезапно распахнет дверь и отдаст им какой-нибудь приказ? Но время шло, а ничего не происходило. И все снова погрузилось в мертвенное оцепенение, словно единственными живыми существами здесь были кольца дыма, лениво поднимающиеся из трубок.

Так прошел еще один день, ничем не отличавшийся от вчерашнего. Когда они закончили работу, беженцы на улице Подковы по-прежнему стояли к ним спиной, прячась в тени домов. Некоторые патрульные шли с напряженными, суровыми лицами, глядя прямо перед собой, другие - с растерянным видом, не смея взглянуть на беженцев, а третьи болтали и смеялись с товарищами, даже отмечая, какой легкой была работа в эти два дня.

Время их возвращения домой совпало со временем возвращения воронов. Пара огромных птиц с карканьем пролетела над головами людей в красной форме. Орвицке все время казалось, что карканье воронов - это насмешка, которую они издавали вместо людей, не смевших и пикнуть.

Орвицка ускорил шаг и почти бегом влетел в общежитие. Немного посидев в своей комнате, размышляя, он взялся за газету.

Обычно, когда Орвицка завтракал, свежую газету уже просовывали под дверь - щель была такой большой, что иногда туда могли пролезть даже мыши. Но сегодня, несмотря на позднее время, газеты так и не было.

Похоже, разносчик газет Дэнни Белен действительно укрылся где-то со своей семьей.

На третий день бандитской войны Орвицка утром, выходя из общежития, все же спросил госпожу Торрей:

- С разносчиком газет Дэнни все в порядке?

"Слишком уж много этих Дэнни".

Однако ответ госпожи Торрей заставил сердце Орвицки тревожно сжаться:

- Я не уверена, господин Мондэйл.

Они переглянулись и не стали развивать эту тему. Орвицка вышел из общежития, а госпожа Торрей взяла тряпку и принялась мыть лестницу.

Снаружи, если не считать растущего числа беженцев, все оставалось без изменений.

Четвертый день бандитской войны прошел так же, как и предыдущие три. Только Орвицка чувствовал, что становится все более раздражительным.

Пятый день...

Возвращавшегося домой Орвицку остановила госпожа Торрей.

- Не могли бы вы оказать мне одну услугу, господин Мондэйл?

Орвицка подумал, что госпоже Торрей нужна помощь с переноской тяжестей, и, не раздумывая, засучил рукава:

- Конечно, госпожа Торрей.

Госпожа Торрей повела Орвицку к своей квартире на первом этаже. Дверь открылась, и перед Орвицкой предстало ее уютное жилище: в прихожей висел связанный из шерсти гобелен с кошкой, в цветочном горшке распускались маленькие фиолетовые цветы, а весь дом наполнял аромат свежее испеченного хлеба, гораздо аппетитнее, чем в булочной.

Но Орвицка замер на пороге, потому что в гостиной госпожи Торрей сидела еще одна дама. Стройная, в простом синем платье, со светлыми волосами, уложенными в пучок.

Эта сцена до боли напоминала внезапное сватовство, устроенное старшими для младших. Хотя родители Орвицки умерли еще в университете, с навязыванием брака ему все же приходилось сталкиваться - старики, не знавшие о его ориентации, знакомили его с девушками, и он вежливо отказывался. Еще удивительнее было то, что некоторые, зная, что он гей, все равно пытались сосватать ему девушек, твердя что-то вроде "непочтительность бывает трех видов, и отсутствие потомства - худшая из них", или "женись, а потом развлекайся"...

Орвицка вернулся мыслями в настоящее, уже собираясь отказать госпоже Торрей.

- Это госпожа Белен, мать Дэнни Белена, - пояснила та.

- Кхм! - отказ застрял в горле. - Кхе-кхе-кхе! Госпожа Белен?

Госпожа Белен услышала шум и уже поднялась со своего места. Она действительно была немолода, но при первой встрече Орвицке было бы трудно с ходу определить ее возраст.

У госпожи Белен были мелкие морщинки в уголках глаз, кожа на щеках и у губ обвисла, а ее бледность была нездоровой, словно она долго пробыла в воде. Но глаза у нее были такие же, как у газетчика Дэнни - красивые, льдисто-голубые. Постаревшая и изможденная, она все же оставалась красивой и притягательной.

Такая женщина, живущая в районе вроде Рыбьего Хвоста, несомненно, пережила немало

трудностей.

- Здравствуйте, - госпожа Белен взглянула на госпожу Торрей и, получив ее одобрителный кивок, поздоровалась с Орвицкой. - Господин Мондэйл. Я знаю, что мой сегодняшний визит крайне невежлив, но я просто не знаю, к кому еще обратиться за помощью. - С каждым словом ее голос становился все более гнусавым, и госпоже Белен пришлось остановиться, чтобы сделать глубокий вдох. - Дэнни пропал. Сегодня уже четвертый день.

Глубокий вдох не помог, госпожа Белен все равно расплакалась. Но она отвернулась, всхлипнула пару раз за спиной Орвицки, вытерла слезы и снова повернулась к нему:

- Пожалуйста, помогите мне найти Дэнни, господин Мондэйл. Вот ваша плата. Я знаю, это слишком мало, но я постараюсь достать больше денег.

Только теперь Орвицка заметил у нее в руках сумочку, из которой она достала две монеты айко номиналом 10 и 15.

- Клянусь, через месяц, независимо от того, найдете вы Дэнни или нет, вы получите пятьдесят айко. Если же вы найдете Дэнни, я дам вам один золотой герб в течение трех месяцев!

Десять айко - цена десяти фунтов муки. В Поднебесной кто не может позволить себе десять цзиней муки? Но Орвицка, целую неделю патрулировавший улицу Длинной Канавы, знал, что ежедневный доход здешних бедных семей мог не достигать и одного айко. Услуги женщин на панели могли стоить всего два айко за раз.

Женщин из низших слоев, выходивших на панель, становилось все больше, что лишь свидетельствовало о том, что их мужчины теряли способность содержать семью. Это означало,

что круг их клиентов сужался, и женщины могли простоять всю ночь, не найдя ни одного клиента.

За вычетом квартплаты и еды, то, что простые люди вообще могли что-то скопить, уже было чудом. Так что эти двадцать пять айко, вероятно, были всеми наличными, которые эта госпожа могла сейчас предложить. Что касается обещанного золотого герба, то, возможно, она смогла бы собрать эту сумму, только продав все свое имущество.

- Уберите деньги, сударыня, - мягко сказал Орвицка.

- Господин Мондэйл... - госпожа Белен вздрогнула. Ее голос был тихим, но в нем звучало такое отчаяние, словно она потеряла последнюю надежду.

- Я готов помочь вам найти Дэнни бесплатно, - поспешил добавить Орвицка, - но, пожалуйста, никому не говорите, что я не взял ваших денег.

- Вы... вы хотите чего-то другого? - с опаской спросила она.

- Моя трусость не позволяет мне помочь многим, но я должен помочь хотя бы одному человеку,
- Орвицка посмотрел прямо в глаза госпоже Белен. - Пожалуйста, не спешите радоваться. Дэнни пропал четыре дня назад. Моя помощь - это помощь не ему, а вам. Я не могу обещать, что найду его. Слишком много времени прошло.

Улыбка на лице госпожи Белен медленно угасла под влиянием его слов, слезы снова потекли по щекам. На этот раз она не отвернулась, а лишь быстро вытерла их пальцами:

- Я знаю, господин Мондэйл, я уже все понимаю. На самом деле, я просто... просто хочу увидеть его тело. Или хотя бы... хотя бы знать, где он умер.

- Расскажите мне, что случилось с Дэнни, - Орвицка жестом пригласил госпожу Белен сесть.

Он не стал спрашивать, почему она не обратилась в полицию. В данный момент королевские полицейские участка Рыбьего Хвоста по строгому приказу начальника полностью самоустранились от своих обязанностей, их юрисдикция ограничивалась стенами участка.

Госпожа Белен снова вытерла лицо и села:

- Он просто... исчез. Четыре дня назад он не вернулся домой к ночи. Я хотела пойти его искать, но тогда на улице начались беспорядки. Я не очень храбрая мать, я струсилась. Только на следующий день в полдень я осмелилась выйти на его поиски. Я расспросила детей, которые разносили газеты вместе с ним, и молочника. Утром того дня он, как обычно, разносил молоко и газеты, но после обеда его уже никто не видел. Я пошла туда, где он обычно продавал газеты, и наконец нашла людей, которые его видели. Они сказали, что Дэнни знал о беспорядках в Рыбьем Хвосте, не продал все газеты и вернулся домой раньше полудня.

- Судя по этим словам, с Дэнни что-то случилось по дороге домой, - задумчиво произнес Орвицка. - Вы знаете, какой дорогой он обычно возвращался? Если он спешил, какой короткий путь мог выбрать? И еще, у Дэнни был строгий распорядок дня?

- Да, Дэнни разносил газеты и молоко, продавал газеты и цветы, а еще доставлял товары для людей, - госпожа Белен гордо улыбнулась, но в следующую секунду ее глаза вновь наполнились печалью. Она поджала губы и продолжила: - Я знаю, какой дорогой он обычно ходил. Есть еще два пути, которыми я запрещала ему пользоваться, но они действительно намного короче. Если он торопился домой, то вполне мог пойти по одному из них.

Госпожа Торрей, все это время сидевшая в стороне и вязавшая, принесла бумагу и ручку и положила их рядом с госпожой Белен. Та поблагодарила ее и принялась рисовать простенькую карту. Она рисовала быстро и очень тщательно.

<http://bllate.org/book/17916/1715784>